

С.А. СЕРГЕЕВ*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА И СИМВОЛИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ¹**

Аннотация. Выдвинутая Шанталь Муфф концепция «агонистической демократии» противостоит и пониманию политического конфликта как антагонистического, стороны которого рассматривают друг друга как непримиримые враги, и фактическому отрицанию конфликта в консенсусных теориях демократии. Эта концепция, в которой политический конфликт рассматривается как борьба между двумя противниками, каждый из которых признает легитимность другого, нашла свою реализацию в деятельности новых леворадикальных партий, возникших в течение последних 10–15 лет в странах Западной Европы. Появление их стало реакцией на кризис и упадок большинства «старых» леворадикальных партий, наступивший после падения Берлинской стены и распада СССР. «Новые» левые радикалы стремятся выработать собственную идентичность, отличную и от коммунистической, и от социал-демократической, что проявляется в изобретаемых ими новых эмблематических символах, не похожих на серп, молот и пятиконечную звезду «старых» левых радикалов, а также в применяемых ими новых дискурсивных стратегиях. На примере испанской партии «Подemos», Лево́й партии Франции и партии «Непокоренная Франция» рассматривается, каким образом «новые» левые радикалы конструируют субъект политического действия – «народ», «народное большинство» или просто «мы», противопоставляемый «тем, кто наверху», «касте», «олигархии». Но при всей резкости антикапиталистической и антилиберальной риторики конфликт «новых» левых радикалов с системой носит

---

* **Сергеев Сергей Алексеевич**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: SASergeev@kpfu.ru

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19–011–00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007–2018 гг.: сравнительный анализ»).

скорее агонистический, а не антагонистический характер: они хотят не разрушить старые институты, а отвоёвать их у противоположной стороны, не заменять демократию диктатурой передового класса, а «возвратить» ее народу и расширить ее.

Ключевые слова: символ; левые радикалы; «Подемос»; «Непокоренная Франция».

Для цитирования: Сергеев С.А. Политическая символика и символическая политика западноевропейских леворадикальных партий // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 172–189. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.08>

*Но на фуражке моей серп и молот и звезда,
Как это трогательно – серп и молот и звезда.*

Е. Летов

«Соперник» вместо «врага»: концепция «агонистического плюрализма» Ш. Муфф

Среди современных политико-философских теорий, трактующих понятия «конфликт», заметное место, на наш взгляд, занимает теория «агонистического плюрализма» Шанталь Муфф, потенциал и значение которой для понимания политических процессов, проходящих в Западной Европе, продемонстрируем в этой статье.

Ш. Муфф – бельгийская исследовательница, активно работающая в сфере политической философии и политологии, испытавшая влияние марксизма (ее взгляды характеризовались как постмарксистские) и Карла Шмитта (отсюда характеристика ее взглядов как левого шмиттеанства)¹. Но если К. Шмитт понимал политический антагонизм с точки зрения различения друга и врага, Ш. Муфф, не отрицая наличия антагонизма, выделила также «агонизм» (от греч. «агон» – борьба, соревнование) – ненасильственное разрешение конфликта между двумя противниками, каждый из которых признает легитимность другого. Если антагонизм – это «борьба между врагами (enemy), агонизм – это борьба между про-

---

¹ *Desmoulières R.B.* Chantal Mouffe, the philosopher who inspires Jean-Luc Mélenchon // Verso Books. – 2017. – January. – Mode of access: <https://www.versobooks.com/blogs/3037-chantal-mouffe-the-philosopher-who-inspires-jean-luc-melenchon> (accessed: 20.03.2020)

тивниками (adversary)» [Mouffe, 2000, p. 102–103]. С точки зрения Муфф, цель демократической политики – так сконструировать образ «Их», чтобы «Они» воспринимались не как «враг», подлежащий уничтожению, а как «противник», т.е. тот, с чьими идеями мы боремся, но чье право защищать эти идеи не ставим под сомнение [Mouffe, 1999, p. 15]. Муфф весьма скептически относится к модели «делиберативной демократии», поскольку считает невозможным и вредным для демократии устранение из публичной сферы борьбы и неперемное стремление достичь рационального консенсуса. Категория «противник» не устраняет конфликт, и ее следует отличать от либерального понятия конкурента, с которым ее иногда отождествляют. Противник – это враг, но законный враг, с которым у нас есть общий язык, потому что мы разделяем приверженность этико-политическим принципам либеральной демократии – свободе и равенству. Борьба политических противников (если это противники, а не враги) не только не ставит под угрозу демократию, но и является условием ее существования. Соответственно консенсус в условиях демократии будет «конфликтным консенсусом» и будет представлять собой «энергичное столкновение» различных позиций, представляющих различные интерпретации общих этико-политических принципов в конкретных условиях. Слишком большой акцент на консенсус и отказ от конфронтации приводит к апатии и недовольству политическим участием [Mouffe, 1999, p. 16]. Специфика современной демократии, по мнению Муфф, как раз и состоит в признании и легитимации конфликта и отказе от его подавления путем навязывания авторитарного порядка.

Агонизм занимает промежуточное положение между консенсуалистскими и конфликтными концепциями демократии. С конфликтным подходом его роднит идея о том, что конфликт нельзя искоренить из политики, а с консенсуализмом – идея о том, что есть общая основа определенных ценностей, – разделяемая, однако, не на основе согласия, а на основе конфликта, поскольку конкурирующие акторы интерпретируют их различным образом.

Другой идеей Муфф, сформулированной ею совместно с Эрнесто Лакло, стало представление о «радикальной и плюралистической демократии», которое должно заменить устаревшие концепции диктатуры пролетариата. Дискурс пролетариата сегодня заменило множество голосов, исходящих от широкого круга угнетенных: этнических меньшинств, женщин, экологов, имми-

грантов и пр., каждых из которых конструирует собственную идентичность и претендует на собственный дискурс – антирасистский, антисексистский, антикапиталистический, экологический и т.д. Поэтому субъектом перемен не может быть отдельный класс, им должна стать политически сконструированная коллективная воля, которая сможет объединить различные требования, высказав их от лица «Нас» или «Народа». Эти требования не отрицают либерально-демократическую идеологию, напротив: «...они состоят в ее углублении и расширении в направлении радикальной и плюралистической демократии» [Laclau, Mouffe, 1985, p. 176].

Идеи Лакло и Муффа о конструировании народа из множества разнородных протестных групп были восприняты сначала антиглобалистским движением 1990-х годов, а затем новыми леворадикальными партиями, появившимися в 2000–2010 гг.

Изменить нельзя оставить: западноевропейские левые радикалы и их политическая символика

Левые радикалы – партии, движения и группы, находящиеся левее социал-демократии. Вплоть до 1980-х годов большинство леворадикальных партий были коммунистическими партиями, одни из которых ориентировались на Москву, другие – на Пекин, третьи принадлежали к одному из троцкистских интернационалов, четвертые подчеркивали устарелость ряда положений марксизма-ленинизма, выступая за демократический путь к социализму и против гегемонии КПСС (еврокоммунисты) и т.д. Падение Берлинской стены привело к тому, что одни из этих партий распались, другие эволюционировали в социал-демократические и просто демократические партии, третьи сохранили верность марксизму-ленинизму и даже прежние названия, но утратили свое влияние (последних можно назвать «старыми» левыми радикалами). Однако ряд левых партий и групп смогли преодолеть прежние разногласия, выработать внутренне непротиворечивую программу, модернизировав свои идеологии и отказавшись от архаичных элементов, и занять в политическом пространстве место левее социал-демократии (назовем их новыми левыми радикалами).

Одной из первых на этот путь ступила Левая партия Германии, появившаяся в 2007 г. в результате объединения Партии демократического социализма (наследницы правящей в ГДР СЕПГ) и левых социал-демократов. Параллельно процесс объединения левых радикалов шел в Греции, где к 2004 г. сложилась коалиция радикальных левых (СИРИЗА), объединившая 18 левых организаций, в том числе отколовшихся от Компартии еврокоммунистов, левых социал-демократов, маоистов, пять (!) троцкистских партий и групп и т.д. В 2013 г. СИРИЗА стала партией.

В 2014 г. небольшая группа «Антикапиталистические левые» в Испании на волне протестов против политики «жесткой экономии» смогла на базе протестного движения создать партию «Подemos» («Мы вместе»); основатели партии не скрывали влияния на них теоретических работ Э. Лакло и Ш. Муффф [Iglesias, 2015, p. 26–27]. В 2008–2009 гг., подражая левым радикалам Германии, политик Жан-Люк Меланшон создал Левую партию Франции, ставшую в 2016 г. основой для учрежденной им же другой леворадикальной организации – «Непокоренная Франция».

Даже названия этих леворадикальных организаций четко фиксируют символический разрыв с коммунистическим и марксистско-ленинским прошлым: они предпочитают называть себя «левыми», «антикапиталистическими», предпочитают избегать какой-то классовой определенности, стремясь обращаться к «народу» и строить коллективное «мы», уже не апеллируя к рабочему классу. В то же время они отвергают основные социально-экономические структуры, ценности и практику современного капитализма, отличаясь от социал-демократов, и при этом выступают за углубление экономической и политической демократии посредством трансформации «неолиберального» глобализированного капитализма [March, Rommerskirchen, 2015, p. 41].

Отличия «новых левых радикалов» от «старых» или «традиционных» левых радикалов становятся видны уже при сравнении эмблематической символики тех и других – логотипов и партийных эмблем.

Официальный символевой Левой партии Германии – логотип DIE LINKE черным шрифтом с красным ударением над буквой «I» в слове «LINKE»; вариантом этого символа является партийный флаг – с надписью «DIE LINKE» белым шрифтом на красном фо-

не¹. Здесь от «красного» прошлого осталось в одном случае лишь красное ударение, в другом – красный цвет флага. Некоторые из союзников Левой партии, в частности Германская коммунистическая партия (ГКП), сохранили в качестве символа серп и молот – но даже на сайте ГКП он не очень заметен, присутствуя как favicon (от англ. FAVorites ICON – «значок для избранного», значок веб-сайта, который появляется в закладках браузера при открытии сайта)². Другой союзник Левой партии – «Международные социалистические левые», организация, являющаяся одной из двух германских секций IV Интернационала, сохранила традиционный символ радикальных левых – пятиконечную звезду, частично закрыв ее своим логотипом ISO³. Еще одна германская секция IV Интернационала, Революционная социалистическая лига (РСЛ), выступает с крайних позиций и, в отличие от большинства мелких леворадикальных групп в Германии, отказывается сотрудничать с Левой партией, не говоря уже об СДПГ. РСЛ при этом сохранила традиционные для коммунистов серп и молот⁴.

Символика Левой партии Франции, основанной в 2009 г. Ж.-Л. Меланшоном, вышедшим из Социалистической партии (а еще ранее состоявшим в «Международной коммунистической организации» П. Ламбера), весьма похожа на символику Левой партии Германии: первоначально это была надпись «Parti de Gauche» белыми буквами на красном фоне, причем слово «Gauche» (левая) было выполнено крупными, хорошо различимыми буквами. После того как Левая партия получила поддержку со стороны части партии Зеленых, красный фон сменился красно-зеленым⁵. Но Меланшон мечтал о более широкой организации, которая опиралась бы на республиканские традиции и традиции французского Сопротивления и могла бы охватить весь или почти весь леворадикальный электорат. В 2016 г. (за год до президентских и парламентских выборов) Меланшон создал партию «Непокоренная Франция» (La France insoumise; название может быть переведено как «Мятежная Франция» или «Восставшая Франция»). Ее логотипом стала греческая буква φ, название которой (фи) совпадает с

¹ Mode of access: <https://www.die-linke.de> (accessed: 01.03.2020)

² Mode of access: <https://dkp.de/> (accessed: 01.03.2020)

³ Mode of access: <http://intersoz.org/> (accessed: 01.03.2020)

⁴ Mode of access: <http://www.rsb4.de/> (accessed: 01.03.2020)

⁵ Mode of access: <https://www.lepartidegauche.fr/> (accessed: 01.03.2020)

аббревиатурой *La France insoumise* – FI¹. Французская компартия, в 2008–2018 гг. сотрудничавшая слевой партией и «Непокоренной Францией», сохранила в качестве своего символа пятиконечную звезду, дополнив ее листочком (также красного цвета), прикрепленным к верхнему лучу, что должно подчеркивать близость коммунистов экологическому движению².

Ж.-Л. Меланшон смог объединить далеко не все силы левее Соцпартии: партия «Рабочая борьба» и Новая антикапиталистическая партия (создана в 2009 г. на основе Революционной коммунистической лиги) участвуют в выборах, как правило, самостоятельно (хотя в 1970–1990-е годы «Рабочая борьба» и РКЛ иногда выдвигали общих кандидатов на выборах различных уровней). «Рабочая борьба» (известная также как («Коммунистический союз (троцкистский)»)) известна как организация с жесткой дисциплиной, так что другие партии левого спектра называли ее «сектой». Характерно, что сохранение марксистско-ленинской догматики или отказ от нее прямо коррелируют с сохранением или отказом от традиционной символики в виде серпа и молота. «Рабочая борьба» эту символику сохранила, а Новая антикапиталистическая партия в качестве эмблемы избрала мегафон как символ уличных акций протеста (этот символ был заимствован у нее, в частности, Российским социалистическим движением)³.

Коммунистическая партия Испании и Коммунистическая партия народов Испании сохранили в качестве своей символики и серп с молотом, и красную пятиконечную звезду, но эмблема коалиции «Объединенные левые», которую они создали в 1986 г., – красный квадрат с белыми буквами IU (*Izquierda Unida* – Объединенные левые)⁴.

Именно испанский опыт создания новой левой, или «постлевой», партии наиболее ярко иллюстрирует символический разрыв с традиционными левыми: партия «Подemos» («Мы можем») использует в качестве символов логотип *PODEMOS* фиолетового

---

¹ Mode of access: <https://lafranceinsoumise.fr/> (accessed: 01.03.2020)

² Mode of access: <https://www.pcf.fr/> (accessed: 01.03.2020)

³ Mode of access: <https://www.lutte-ouvriere.org/> (accessed: 01.03.2020); Mode of access: <https://npa2009.org/> (accessed: 01.03.2020)

⁴ Mode of access: <https://www.pce.es/> (accessed: 01.03.2020); Mode of access: <https://izquierdaunida.org/> (accessed: 01.03.2020)

цвета и круг¹. Использование круга в качестве эмблемы дистанцирует «Подemos» от социалистической и коммунистической традиций, показывая символическое предпочтение мира гражданина, а не мира рабочего и крестьянина [Franze, 2018, p. 56]. Круг также отсылает к внутренней структуре рабочих групп движения 15 М, которое стало одной из организационных основ «Подemos». Кроме того, фиолетовый цвет ассоциируется с феминизмом. Название партии – «Мы можем» – также подчеркивает разрыв с классовыми партиями для того, чтобы артикулировать интересы нового субъекта политического действия – «мы». Впрочем, эмблемой партии «Антикапиталистические левые», лидеры которой стали идейным и организационным ядром «Подemos», является трехцветная (красная, зеленая и фиолетовая) пятиконечная звезда (красный цвет – коммунизм, зеленый – экологизм, фиолетовый – феминизм)².

Те же цвета присутствуют в символике греческой партии СИРИЗА (Коалиция радикальных левых): три знамени красного, зеленого и фиолетового цветов и маленькая звезда желтого цвета³. В отличие от нее, Компартия Греции, имеющая репутацию одной из наиболее ортодоксальных марксистско-ленинских партий современности, сохраняет в качестве эмблемы серп и молот⁴.

Та же тенденция прослеживается и в политической символике других радикальных левых партий Европы: Рабочая партия Бельгии использует в качестве эмблемы белое сердце с красной звездой на красном фоне, Социалистическая партия Нидерландов (бывшая Коммунистическая марксистско-ленинская партия) – красный помидор (или яблоко) с белой звездой и логотип SP, Левый союз Финляндии – розовую букву «V» («Левый союз» по-фински Vasemmistoliitto), Левая партия Швеции (Vänsterpartiet, ранее Левая партия – коммунисты Швеции) – белую букву «V» на фоне красной гвоздики, у Левого блока Португалии красная звезда трансформировалась в человечка: четыре луча звезды образуют руки-ноги, а пятый луч заменен кружком, изображающим голову, у организации «Левые» Люксембурга эмблема напоминает плакат

¹ Mode of access: <https://podemos.info/> (accessed: 01.03.2020)

² Mode of access: <https://www.anticapitalistas.org/> (accessed: 01.03.2020)

³ Mode of access: <http://www.syriza.gr/> (accessed: 01.03.2020)

⁴ Mode of access: <http://ru.kke.gr/ru/firstpage/> (accessed: 01.03.2020)

Эль Лисицкого «Красным клином бей белых»: черный круг с выделенным в нем красным сектором¹. К антифашистской символике и символике единого фронта отсылает эмблема партии «Люди важнее прибыли» (Ирландия), созданной на основе коалиции нескольких троцкистских групп – рукопожатие белой и зеленой рук на темно-красном фоне².

В то же время часть «старых» радикальных левых сохраняет прежнюю символику – серп и молот, пятиконечную звезду, иногда и то и другое: кроме вышеупомянутых, это Партия итальянских коммунистов, Коммунистическая партия Бельгии, Новая коммунистическая партия Нидерландов, Коммунистическая партия Дании, Коммунистическая партия Норвегии и норвежская партия «Красные», Португальская коммунистическая партия³. В большинстве случаев численность партий «старых» радикальных левых невелика, а их парламентское представительство минимально или отсутствует (из ортодоксальных западноевропейских коммунистических партий исключение составляют коммунистические партии Греции и Португалии).

Таким образом, наличие или отсутствие эмблематических символов, характерных для «старых» леворадикальных партий, служит маркером, позволяющим с достаточной уверенностью отличать «старых и «новых» леворадикалов.

Поскольку эмблематические символы представляют собой наиболее яркую, доходчивую и наглядную часть всего объема символической политики как деятельности, связанной с производством способов интерпретации политической реальности и борьбой за их доминирование [Малинова, 2013, с. 13], их анализ – немаловажная часть анализа символической политики в целом, но явно недостаточная. Символические смыслы содержатся в гораздо

---

¹ Mode of access: <https://www.ptb.be/> (accessed: 01.03.2020); Mode of access: <https://www.pvda.be/> (accessed: Mode of access: <https://www.bloco.org/>(accessed: 01.03.2020); Mode of access: <http://www.dei-lenk.lu/>(accessed: 01.03.2020)

² Mode of access: <https://www.pbp.ie/>(accessed: 01.03.2020)

³ Mode of access: <http://www.comunisti-italiani.it/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <http://www.particommuniste.be/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <https://www.ncpn.nl/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <https://dkp.dk/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <https://www.rodt.no/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <https://www.nkp.no/> (accessed: 02.03.2020); Mode of access: <http://www.pcp.pt/> (accessed: 02.03.2020)

большем количестве символических форм, чем эмблематические символы, – в идеях, нарративах и дискурсах политических партий и их лидеров.

Символическая политика в дискурсах «Подемос» и «Непокоренной Франции»

Наиболее интересной и важной представляется символическая политика, проводившаяся четырьмя западноевропейскими леворадикальными партиями – партией СИРИЗА в Греции,евой партией в ФРГ, партией «Подемос» в Испании и «Непокоренной Францией». Две из них смогли принять участие в формировании правительств (СИРИЗА была старшим партнером в коалиционных правительствах в 2015–2019 г., «Подемос» – младший партнер в коалиционном правительстве с ноября 2019 г.), две другие добились в своих странах существенных успехов на парламентских и президентских выборах. Развернутый анализ символических образов и смыслов, используемых четырьмя партиями, далеко вышел бы за пределы статьи, поэтому ограничимся символической составляющей дискурсов «Подемос» и «Непокоренной Франции».

Для испанского политического дискурса 1980-х – начала 2010-х годов, в целом разделявшегося и консерваторами (Народная партия), и социалистами, было характерно противопоставление прошлого, омраченного гражданской войной и диктатурой, и настоящего, связываемого с демократическим транзитом второй половины 1970-х годов. Прошлое (ассоциировавшееся не только с гражданской войной, но и с республикой) представлялось мрачным временем раздора и братоубийства, все участники которого были не лучше друг друга [Franze, 2018, p. 54]. Оно противопоставлялось настоящему, отмеченному духом согласия и гармонии, достигнутым благодаря пакту Монклоа 1978 г. Левым предоставлялась альтернатива: принять установившуюся в конце 1970-х годов политическую систему и играть по ее правилам (что сделали социалисты) или же не принимать ее и тем самым быть представленными как опасные утописты и фанатики, которые «могут повторить» времена братоубийства и хаоса и оказаться в «электоральном гетто» (коалиция «Объединенные левые», куда входили коммунисты, получала на выборах 1986–2011 гг. от 3–4 до 10,5%).

Но рано или поздно дискурс транзита (как называли обоснование изложенной выше дихотомии «братоубийственное прошлое – благополучное настоящее») должен был быть оспорен, и оспорили его основатели партии «Подемос».

Вместо дихотомии «гражданская война – мирный транзит» они предложили другие, связанные не с прошлым, а с настоящим: «верхние – нижние», «демократия – олигархия», «народ – каста» (негативная политическая метафора или символ, которым «Подемос» обозначил испанскую политическую элиту, противопоставив ее «простым людям») [Астахова, 2016, с. 25]. Тем самым в острый момент социально-экономического кризиса начала 2010-х годов была сконструирована новая «ось» политического дискурса: «Мы» против «Них», «народ» против «касты».

Основатели «Подемос» смогли уйти и еще от одной «скользкой» для испанских левых темы – противопоставления республики и монархии. Традиционные левые обычно – республиканцы. Между тем после перехода к демократии институт монархии стал пользоваться уважением у большинства испанцев, в том числе и благодаря заслугам Хуана Карлоса I в обеспечении мирного демократического транзита. Когда П. Иглесиас был приглашен на прием к королю Испании, перед ним встала альтернатива: (1) если он не идет на прием, подчеркивая тем самым, что он республиканец, оказывается в пространстве «традиционных левых» и отталкивает от «Подемос» большое число потенциальных избирателей, симпатизирующих монархии; (2) если он идет, то оказывается в окружении партий «касты», которых он незадолго до этого клеймил как предателей и коррупционеров. Как он вышел из этой затруднительной ситуации?

П. Иглесиас пошел на прием, но пошел, пренебрегая протоколом, в своей повседневной одежде, и совершил, по его выражению, «плебейский и иронический жест» – подарил королю DVD с фильмом «Игра престолов». Сам Иглесиас предложил такую интерпретацию этого жеста: фильм «показывает кризис режима, в котором имидж короля – не консолидированная институциональная фигура, а хрупкая фигура, которая постоянно подвергается сомнению и может измениться в любой момент» [Iglesias, 2015, p. 26].

Переозначиванию в дискурсе «Подемос» подверглись и такие понятия, как «Отечество» и «патриот»: они не были частью современного испанского политического языка: левые предпочи-

тали использовать такие слова, как «государство» или «страна», а правые – «нация» и «национальный» [Астахова, 2016, с. 26]. «Подemos» одновременно дистанцировался от дискурса как левых, так и правых, вызвав ассоциации с освободительной борьбой «третьего мира» в 1960-е и 1970-е годы и национал-популизмом в Латинской Америке [Franze, 2018, p. 56–57].

Но первоначально партия «Подemos» выступала скорее как сила, антагонистическая по отношению к политической системе Испании («Подemos» приклеил к ней ярлык «режим-78»), нежели агонистическая; хотя П. Иглесиас и его товарищи стремились в дискуссиях и партийных материалах избегать дихотомии «гражданская война – транзит», процесс демократического транзита, сформировавший современную Испанию, рассматривался «Подemos» скорее негативно как процесс, обусловивший гегемонию «касты», двухпартийную систему, в которой социалисты и бывшие франкисты время от времени меняются у власти, в то время как народ от власти отчужден. Ставилась цель «переучреждения» Испании, подразумевавшего принятие новой конституции и «отвоевание», или «восстановление», демократии, «похищенной» элитами у народа во время транзита [Franze, 2018, p. 61].

Впрочем, достаточно быстро – в 2015–2016 гг. – дискурс «Подemos» переориентировался с критики существующих институтов на их признание. Институты и «каста» перестали отождествляться. Элиты стали рассматриваться как пользователи и выгодоприобретатели институтов, которые они незаконно захватили, но должны вернуть народу. Пакт 1978 г. стал критиковаться все реже, а впоследствии было объявлено о необходимости «восстановления» пакта, который был использован «кастой» в собственных интересах. Причиной и началом отчуждения народа был объявлен не транзит 1978 г., а социально-экономический кризис 2008 г. и неолиберальная политика по преодолению кризиса. «Мы должны признать, – писал П. Иглесиас, – что кризис не имеет ничего общего с транзитом, а связан с неолиберальным управлением испанской политикой» [Iglesias, 2015, p. 32]. Соответственно целью «Подemos» стало продолжение транзита или новый транзит, а не разрыв с транзитом и «переучреждение» институтов [Хенкин, 2016, с. 17].

В 2015–2016 гг. партия «Подemos» не только примирилась со «старыми левыми» (создан блок Unidos Podemos – «Объединенные Подemos»), но и изменила отношение к Испанской социали-

стической рабочей партии (ИСРП). Если ранее социалисты осуждались наряду с «кастой», то теперь была поставлена цель добиться союза с ними, объединив все левые силы. Правда, для этого следовало, по мнению лидеров «Подemos», «превзойти» ИСРП, т.е. набрать на выборах больше голосов, чем ИСРП, и лишь после этого заключить с ними союз, вынудив их отказаться от неolibеральной политики. Однако «превзойти» ИСРП «Объединенным Подemos» не удалось (рост электората «Подemos» в 2015–2016 гг. стабилизировался на 20–21%, а в 2019 г. снизился до 12,8–14,3%¹), и в конце 2019 г. партия «Подemos» как младший партнер вошла в правительство П. Санчеса, чтобы противодействовать усилению правых.

Обратимся теперь к дискурсу Лево́й партии и «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшона, изложенных им в программе Лево́й партии и программе кандидата в президенты Франции на выборах 2017 г. «Общее будущее». В них были использованы четыре главных символа – политические метафоры («Подemos» сконструировал и применял не менее десяти подобных символов [Астахова, 2016, с. 24–26], некоторые из которых были рассмотрены выше).

«Каста» и «финансовая олигархия» («сместить касту, которая захватила власть», «тирания финансовой олигархии и касты»²) – первое было явным заимствованием из дискурса «Подemos»; таким же заимствованием выглядит обвинение «касты» в «захвате власти», которая принадлежала народу и которую нужно «вернуть народу». При этом нельзя сказать, что дихотомия «народ – каста» или «верхи – низы» конструировалась в рассматриваемых программах последовательно и настойчиво: будучи несколько раз упомянуто в начале «Общего будущего», противопоставление «народа» и «касты» уступает место детальному перечислению планируемых социальных и экологических реформ.

«Режим 78 года» в дискурсе «Подemos» у Меланшона заменила «президентская монархия», которая, по его мнению, умаляет законодательную власть, обеспечивает привилегии «касты», пре-

---

¹ Spain – November 2019 general election // Politico. – Mode of access: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/spain/> (accessed: 20.03.2020)

² *L'Avenir en commun*, de la programme de la France Insoumise // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/chapitre/1/la-6e-republique> (accessed: 20.03.2020)

пятствует восстановлению демократии и суверенитета народа¹. При этом под потерей суверенитета понимается и невозможность для народа контролировать власть, и утрата страной самостоятельности в международных отношениях из-за Евросоюза и НАТО².

Чтобы устранить «касту» и режим «президентской монархии», необходимо «покончить с Пятой республикой»³ и установить Шестую республику, которая вернет народу власть, Франции – утраченный суверенитет и осуществит «гражданскую революцию» – широкомасштабную программу социальных, экономических и экологических реформ⁴.

Энергичное начало президентской кампании Меланшона и возможность того, что он сможет пройти во второй тур, вызвали среди инвесторов, воспринимавших его как «французскую версию Уго Чавеса», легкую панику (какой не вызвало прохождение во второй тур Марин Ле Пен) [Agustin, Briziarelli, 2018, p. 281]. Впрочем, меры, предлагавшиеся Меланшоном, были скорее умеренными: пересмотр некоторых программ приватизации, поощрение кооперативов работников, поддержка малого и среднего бизнеса, сокращение разрыва в доходах между работниками и высшим менеджментом компаний⁵.

Хотя Меланшон получил в первом туре выборов свыше 7 млн, или 19,58% голосов (в 2012 г. – 11%), он занял все то же четвертое место, что и в 2012 г.⁶ А на выборах в Европарламент

---

¹ L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/section/4/abolir-la-monarchie-presidentielle> (accessed: 20.03.2020)

² L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/chapitre/5/pour-l-independance-de-la-france> (accessed: 20.03.2020)

³ Programme du Parti de Gauche // Parti de Gauche. – Mode of access: <https://www.lepartidegauche.fr/programme-du-parti-de-gauche/> (accessed: 20.03.2020)

⁴ L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/chapitre/1/la-6e-republique> (accessed: 30.03.2020)

⁵ L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/section/21/mobiliser-l-argent-pour-financer-les-petites-et-moyennes-entreprises-et-la-creation-d-emploi> (accessed: 30.03.2020); L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/section/22/proteger-et-generaliser-l-economie-sociale-et-solidaire-et-l-economie-collaborative> (accessed: 20.03.2020); L'Avenir en commun... // Laec.fr. – Mode of access: <https://laec.fr/section/30/augmenter-les-salaires> (accessed: 30.03.2020)

⁶ Résultats de l'élection présidentielle 2017 // Ministère de l'Intérieur. – Mode of access: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult_presidentielle-2017/\(path\)presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult_presidentielle-2017/(path)presidentielle-2017/FE.html) (accessed: 30.03.2020)

весной 2019 г. рассыпался и потерпел разгром весь левый фланг французской политики. Хотя «Непокоренная Франция» и получила 6,31% голосов и шесть мандатов (единственная из леворадикальных партий Франции), она потеряла по сравнению с парламентскими выборами 2017 г. 1 млн голосов и по сравнению с президентскими выборами – 5,5 млн¹.

Каковы были причины этого? Скорее всего, избиратели, на которых рассчитывал Меланшон, не поверили ему. Для них он, бывший министр и сенатор, был таким же представителем «касты», как и все другие политики. Не случайно с движением «желтых жилетов», начавшимся в конце 2018 г., не смогли установить контакты ни левые, ни правые, ни тем более центристы [Сергеев, Кузьмина, 2019, с. 136]. Подражать «Подemos» и латиноамериканским лидерам, трансплантируя метафоры и символы, сработавшие в Испании и Латинской Америке, было, вероятно, не лучшей стратегией. Возможно, свою роль в поражении «Непокоренной Франции» также сыграла неопределенность ее стратегии, которая колебалась между «объединением левых» и «объединением народа» и в результате не смогла осуществить ни то ни другое [Сергеев, Кузьмина, 2019, с. 136].

Успехи левых радикалов в Греции и в Испании были во многом обусловлены наличием массового протестного движения, дававшего леворадикальным политикам мощный импульс извне; во Франции такого движения не было ни в 2012 г., ни в 2017 г., а когда оно появилось (хотя было не таким уж массовым), то стало действовать в соответствии со своей логикой, не доверяя никому из политиков (хотя Меланшон и объявил движение «желтых жилетов» проявлением той «гражданской революции», о которой он говорил²). Тем не менее требование «желтых жилетов» об изменении Конституции в интересах полновластия народа может свидетельствовать о влиянии на это движение программы Меланшона³.

---

¹ Résultats des élections européennes 2019 // Ministère de l'Intérieur. – Mode of access: <https://www.interieur.gouv.fr/Actualites/Communiqués/Resultats-des-elections-europeennes-2019> (accessed: 10.03.2020)

² Hamlaoui J. Convention. Après des turbulences, FI mise sur les gilets jaunes // l'Humanité. – 2018. – Décembre. – Mode of access: <https://www.humanite.fr/convention-apres-des-turbulences-fi-mise-sur-les-gilets-jaunes-664787> (accessed: 20.03.2020)

³ La charte officielle des 25 revendications des Gilets Jaunes // Le libre penseur. – Mode of access: <https://www.lelibrepenseur.org/la-charte-officielle-des-25-revendications-des-gilets-jaunes/> (accessed: 30.03.2020)

Таким образом, на левом фланге западноевропейской политики в течение последних 10–15 лет появилась группа партий, или «партийная семья», левее социал-демократии, стремящихся выработать новую идентичность, отличную и от коммунистической, и от социал-демократической. Стремление к разрыву с коммунистическим прошлым ярко маркирует их символику – и эмблематическую, и вербальную: «старые» левые радикалы используют пятиконечную звезду, серп и молот, новые – изобретают свои символы. Для дискурсивных стратегий «новых» левых радикалов характерно конструирование «народа», или «народного большинства», противопоставляемого «тем, кто наверху», «касте», «олигархии». Но при всей резкости антикапиталистической и антилиберальной риторики конфликт этих «новых» левых радикалов с системой носит скорее агонистический, а не антагонистический характер: они хотят не разрушить старые институты, а отвоевать их у противоположной стороны, в которой они видят уже не врага, как «старые» левые радикалы, а соперника, за которым признается право на существование.

Список литературы

- Астахова Е.В.* «Штурм небес», или Особенности политического дискурса «Подemos» // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 1(11). – С. 21–28.
- Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 421 с.
- Сергеев С.А., Кузьмина С.В.* Движение «желтых жилетов» и левые радикалы во Франции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 3. – С. 127–138. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-3-126-138>
- Хенкин С.М.* Феномен «Подemos» // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 1(11). – С. 15–20.
- Agustin O.G., Briziarelli M.* Left-wing populism and the assault on the establishment // Podemos and the new political cycle. Left-wing populism and anti-establishment politics / O.G. Agustin, M. Briziarelli (eds). – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 281–294. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>
- Franze J.* The podemos discourse: a journey from antagonism to agonism // Podemos and the new political cycle. Left-wing populism and anti-establishment politics / O.G. Agustin, M. Briziarelli (eds). – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 49–69. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>
- Iglesias P.* Spain on edge // New left review. – 2015. – N 93. – May-June. – P. 23–42.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and socialist strategy. Toward a radical democratic politics. – L.: Verso, 1985. – 197 p.

- March L., Rommerskirchen Ch.* Out of left field? Explaining the variable electoral success of European radical left parties // Party politics. – 2015. – Vol. 21, N 1. – P. 40–53. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068812462929>
- Mouffe Ch.* Deliberative democracy or agonistic pluralism. – Wien: Institut für Höhere Studien (IHS), 1999. – 18 p. – Mode of access: <https://irihs.ihs.ac.at/id/eprint/1312/> (accessed: 20.03.2020)
- Mouffe Ch.* The democratic paradox. – L.: Verso, 2000. – 192 p.

S.A. Sergeev*
Political symbols and symbolic policy
of the Western European left radical parties

Abstract. The concept of agonistic democracy put forward by Ch. Mouffe opposes both the understanding of political conflict as antagonistic, the parties of which regard each other as implacable enemies, and the actual denial of the conflict in the consensus theories of democracy. This concept, in which a political conflict is seen as a struggle between two opponents, each of which recognizes the legitimacy of the other, has found its implementation in the activities of new left-wing radical parties that have appeared in Western Europe over the past 10–15 years. Their appearance was a reaction to the crisis and the decline of most of the «old» left-wing radical parties that came after the fall of the Berlin Wall and the collapse of the USSR. The «new» left-wing radicals seek to develop their own identity, which is different from the communist and social-democratic ones, which is also manifested in the new emblematic symbols they invent, which are not like the sickle, hammer, and five-pointed star of the «old» left-wing radicals, and in the new discursive strategies. On the example of the Podemos party (Spain), as well as the Left Party of France and the Party «Unconquered France», it is examined how the «new» left radicals construct the subject of political action – «people», «popular majority» or simply «We», opposed «Those above», «caste», «oligarchy». But with all the harshness of anti-capitalist and anti-liberal rhetoric, the conflict of «new» left-wing radicals with the system is more agonistic than antagonistic: they want not to destroy the old institutions, but to win them back from the opposite side, not to replace democracy with the dictatorship of the advanced class, but to «return» its people and expand it.

Keywords: symbol; left radicals; Podemos; Unconquered France.

For citation: Sergeev S.A. Political symbols and symbolic policy of the Western European left radical parties. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 172–189. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.08>

---

* **Sergeev Sergey**, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia), e-mail: SA_Sergeev@kpfu.ru

References

- Agustin O.G., Briziarelli M. Left-wing populism and the assault on the establishment. In: *Podemos and the new political cycle. Left-wing populism and anti-establishment politics*. O.G. Agustin, M. Briziarelli (eds). Cham: Palgrave Macmillan, 2018, P. 281–294. DOI:<https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>
- Astahova E.V. «The storm of heaven» or features of the political discourse «Podemos». *Iberoamerikanske tetrad*. 2016, N 1(11), P. 21–28. (In Russ.)
- Franze J. The Podemos discourse: a journey from antagonism to agonism. In: *Podemos and the new political cycle. Left-wing populism and anti-establishment politics*. O.G. Agustin, M. Briziarelli (eds). Cham: Palgrave Macmillan, 2018, P. 49–69. DOI:<https://doi.org/10.1007/978-3-319-63432-6>
- Henkin S.M. The phenomenon «Podemos». *Iberoamerikanske tetrad*. 2016, N 1(11), P. 15–20. (In Russ.)
- Iglesias P. Spain on edge. *New Left Review*. 2015, N 93, P. 23–42.
- Laclau E., Mouffe Ch. *Gegemony and socialist strategy. Toward a radical democratic politics*. L.: Verso, 1985, 197 p.
- Malinova O.Yu. *The construction of meanings. The study of symbolic politics in modern Russia*. M.: INION RAN, 2013, 421 p. (In Russ.)
- March L., Rommerskirchen Ch. Out of left field? Explaining the variable electoral success of European radical left parties. *Party politics*. 2015, Vol. 21, N 1, P. 40–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068812462929>
- Mouffe Ch. *Deliberative democracy or agonistic pluralism*. Wien: Institut für Höhere Studien (IHS), 1999, 18 p. Mode of access: <https://irihs.ihs.ac.at/id/eprint/1312/> (accessed: 20.03.2020)
- Mouffe Ch. *The democratic paradox*. L.: Verso, 2000, 192 p.
- Sergeev S.A., Kuz'mina S.V. «Yellow Vest» movement and left radicals in France. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2019, N 3, P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-3-126-138> (In Russ.)